

Владимир КУЗИН

Родился в 1964 году, образование среднее техническое (авиамеханический техникум) и незаконченное высшее (4 курса Ивановского государственного университета, филологический факультет).

Работает в охране. Живет во Владимире.

ОТЕЦ МИХАИЛ

Отец Михаил открыл ключом входную дверь, зажёл в прихожей свет и прислушался. Тишина. Видимо, все уже спали.

Он разделся, вошёл в комнату сына и наклонился над ним. Хотел было поцеловать Павлика в щёку, но подумал, что может ненароком его разбудить... Вернулся в прихожую.

Руки его тряслись, лоб покрылся капельками пота.

«Надо немедленно сообщить в милицию», – он подошёл к телефону, снял трубку и приставил к уху... Немного постоял... затем повесил её обратно, прошёл на кухню и сел за стол, на котором были приготовленные супругой его любимая запечёная курица и булочка с какао.

«Откуда только эти двое взялись?.. Не иначе, из Томилинской колонии сиганули, других зон поблизости нет».

Перед глазами отца Михаила вновь возникло лицо рыжего веснушчатого мужика в промокшей арестантской робе, который смотрел на стоявшего перед ним священника с явным любопытством, прищутив глаза, словно пытаясь уловить его, отца Михаила, мысли; и лохматого, в грязном оборванном пальтишке, – этот сидел прямо на голой земле, прислонившись спиной к сосне и постоянно надрывисто кашлял и сплёвывал.

Рыжий наставил на отца Михаила двустволку; а лохматый принял-ся его спрашивать, куда он идёт, далеко ли до посёлка, не видел ли он поблизости милицию... Затем рыжий велел отцу Михаилу вывернуть карманы, а их содержимое бросить к его ногам... Поднял ключи, кошелёк и целлофановый пакетик с двумя просфорами, одну из которых положил себе в рот, а другую отдал лохматому. Тот с жадностью, давясь и чавкая, её разжевал и проглотил.

– Семь рубликов с копейками, – сказал рыжий своему напарнику, положил деньги в карман его пальто, отбросил пустой кошелёк в сторону и снова направил на священника ружьё.

«Конец», – подумал отец Михаил. У него похолодело внутри. И тут же, будто само собой, вырвалось:

– Я тут недалеко живу; могу продукты принести, а ему, – кивнул на лохматого, – лекарства...

Затем он наплёл рыжему про то, что без сухой и тёплой одежды им будет нелегко... а дальше – непонятно, зачем – упомянул о своём восьмилетнем сынишке...

Рыжий, казалось, ещё больше прищурился... затем усмехнулся, наклонился к напарнику и начал ему что-то говорить... Отец Михаил с трепетом прислушался к их словам, но разобрать ничего не смог... И вдруг явственно услышал:

– Вряд ли обманет, – рыжий посмотрел на отца Михаила, – чин не позволит...

После они ещё о чём-то пошептались... и, вернув священнику ключи, договорились встретить его с продуктами часа через два у горбатой берёзы, на которую указал ему лохматый...

Отец Михаил шёл по тропинке, постоянно оглядываясь и спотыкаясь. Всё думал, что ему выстрелят в спину... А выйдя из рощи и убедившись, что хвоста нет, он со всех ног кинулся к посёлку...

И сейчас, сидя на кухне, он никак не мог унять дрожь в руках.

«Никогда не думал, что могу в такое вляпаться, – пронеслось у него в голове. – Больше ни в жизнь через эту проклятую рощу не пойду... Днём, когда шёл на службу, там на деревьях птички пели да солнышко улыбалось – красота!.. Какой же она оказалась обманчивой! – Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. – Ну так что, звонить в милицию?»

Отец Михаил поднялся со стула... немного постоял... и принялся ходить взад-вперёд по кухне, от волнения время от времени покусывая на пальцах рук ногти – привычка с детства, которую он не смог побороть в себе и по сей день.

«Подумать только, я запросто в эту минуту мог лежать с продырявленной башкой под какой-нибудь ёлкой, заваленный травой и ветками... Господи, благодарю Тебя за чудесное спасение; за то, что в самый ответственный момент Ты не дал мне потерять выдержку и разум...» – Он перекрестился на распятие, стоявшее в углу на полочке.

Затем отхлебнул из чайника и задумался.

«Здорово я сообразил насчёт продуктов; в самое их болезненное место попал – они, поди-ка, несколько дней не евши... А этот ляпнул: ему, мол, чин не позволит обмануть... Умник нашёлся! Да такие, как ты не то что рассуждать о людях – жить среди них не имеют права. Потому что несут им только горе и слёзы... Нет, вас нужно по крайней мере изолировать от общества. И это долг не только государственный, но и христианский – вырывать плевелы на пшеничном поле...»

И отец Михаил опять метнулся к телефону.

«А разве мне решать, кто пшеница, а кто плевелы?.. – Он остановился. – А почему бы и нет; ведь для того человеку и дан разум, чтоб различать добро и зло... Постой, но различать в себе; о других же сказано: “не суди...” Ну, если эту заповедь понимать буквально, то дойдёшь до вонючей толстовщины. Полоумный граф не понимал, что если ликвидировать полицию и суды, власть в обществе захватят убийцы, грабители и насильники, и на Земле наступит хаос... – И вдруг будто кольнуло: – А вот батюшка Серафим своим истязателям не стал даже сопротивляться; а когда они его изувечили, он их простил... – Отец Михаил продолжил хождение по кухне. – Так ведь у него не было семьи, для кого ему нужно было себя беречь?.. А у меня жена, сын. Заботиться о них – тоже мой христианский долг. Вот если бы я был монахом...

А что бы тогда? Неужто пошёл бы в лес с провизией? – Отец Михаил усмехнулся. – Дурак ты, ваше благородие. Они бы тебя там, не моргнув и глазом, шлёпнули и принялись бы уминать твои баранки-пряники за обе щёки...»

Он опять отхлебнул из чайника и сел за стол.

«Не бойтесь убивающих тело... – внезапно вспомнил он. – Да как же их не бояться? Страх смерти вложен в каждое живое существо. Когда я прошлой осенью резал поросёнка, он визжал как чумной... Да, но человек и свинья – не одно и то же...»

Он тряхнул головой.

«Ну, хорошо, пусть я испугался... Так ведь за сынишку. Что с ним без меня станет? Ясно, что на одну мамкину зарплату ему в наше время придётся ох как туго, – скажем, надлежащего образования уж точно никак не получить, а значит, и не найти хорошую работу. А отсюда все прелести жизни... А Бог? Разве Святые Отцы не призывали во всём полагаться на Него? И разве я не читал о тех новомучениках, которые в годы сталинских репрессий шли в лагеря и ссылки, а то и на расстрел, оставляя свои семьи без кормильца?.. И читал, и преклонялся перед ними, и другим в пример ставил... Так, значит, дело не только в сыне? Тогда в чём ещё?»

Взгляд отца Михаила упал на приготовленный ужин. Ему показалось, что неслучайно.

«Ну, уж только не в этом...» – Он даже отпрянул.

И вдруг отчётливо вспомнил, как в первые дни после свадьбы они с супругой долгими зимними вечерами, лёжа в постели, рисовали в своём воображении голубые, цвета небесной лазури, обои; ослепительно белый кафель в ванной и покрытые позолотой ручки дверей, оклеенных бледно-розовой плёнкой. Как планировали со временем купить телевизор с жидкокристаллическим монитором (какой однажды видели у знакомых), двухкамерный холодильник... Он вспомнил, как мечтал посадить на садовом участке помимо всего прочего лучок и петрушку, чтобы запекать с ними цыплят – как он говорил, с хрустящей корочкой.

«М-м, – постанывал он от удовольствия, – пальчики оближешь... Купим микроволновку и будем делать гриль...»

Отец Михаил встал и прислонился спиной к стене.

«Многое из того уже осуществилось... Холодильник, кафель в ванной и... вот она – печёная курица... – Он присмотрелся к ней внимательней. – Точно, с луковыми дольками... – усмехнулся. – Сбылась мечта идиота... А те двое были рады даже крохотным просфорочкам... Худые, измождённые... Глядели на моё толстое пузо и, наверное, всё понимали... Особенно рыжий. Глаза хитрющие, пронизывающие насквозь... Как только я ему о сынишке сказал, он тут же двустволку и опустил... А после пошептался с лохматым и говорит мне: «Ладно, дуй за харчами»... За харчами? Да правда ли? – Отец Михаил вздрогнул. – А что если рыжий пожалел моего сына?.. И убедил своего пахана... или как он там у них зовётся... отпустить меня якобы за провизией?.. А я тут рассуждаю о своей сообразительности и хладнокровии. Тем более, если уж говорить начистоту, я перед ними почти хныкал! Ведь это нетрудно было тогда понять по моему плаксивому голосу...»

Так неужели и впрямь это моя суть? Которая вылезла наружу только под дулом ружья?.. Курица-гриль, ванная с кафелем, ласковая жена в постели... Нет, подожди, желание человека иметь детей – естественно...

А контрацептивы? – Отец Михаил закрыл лицо ладонями. – Боже праведный!..»

Он внезапно вспомнил ощущение приятного томления в груди, когда, пряча в сумку эти аптечные штучки, бежал в магазин за бутылочкой сухого вина, букетом цветов и тортом к чаю.

«Неужто всё это было только ради удовлетворения собственной похоти? Из желания таким образом угодить объекту своего вождения и сделать ответное чувство ещё более страстным?.. А ведь я никогда не понимал девственников. Тех же Серафима Саровского и Сергия Радонежского... Не понимал или не желал понимать? А может, понимал, но не хотел принять?.. Господи, но тогда ведь я и о здравии супруги молился не только ради неё самой!..

Вот она, истина! – Он обхватил голову руками. – Я не Христа искал, а мамону! Не горней радости, а земного рая! А Бога использовал для его приобретения!.. И ладно бы для всего человечества, как Толстой; я опустил ниже его, ибо желал мирского счастья в основном себе! А если хотел его и для своих домочадцев, то это – проявление не Духа, а одного из сильнейших природных инстинктов, коими наделена любая живая тварь!»

Отец Михаил вскинул голову.

«Да-да, та самая девочка-таджичка у колхозного рынка. Которая просила подаяние, стоя босиком прямо на голом асфальте – и это в конце октября!.. Помнится, я небрежно сунул ей в ладошку двухрублёвую монету. На которую она не могла купить себе даже маленькую булку хлеба!.. Тогда как сыну я почти тут же всучил здоровенный пломбир в шоколаде, который он, раскапризничавшись до истерики, буквально выклянчил у меня. Хотя перед этим смолотил кремовое пирожное!..»

Отец Михаил потупил взгляд.

«А девочка мне спасибо сказала... За что, глупышка? Ведь я, когда к тебе подошёл, поди-ка, сам того не осознавая, моментально просчитал, что Павлик – моя обеспеченная старость, а от тебя мне – как от козла молока...»

По его щеке покатилась слеза.

«Чему же я учил своих прихожан? Что им проповедовал? Любить Бога, чтобы получать от Него блага жизни? Любить ближних, как самих себя, ради самих же себя? Ценить жизнь, каждый её миг: небо, солнышко, журчание ручейка, пение птиц – только как источник личного наслаждения? Пускай наслаждения тем миром, который дал человеку Господь; но ведь я никогда не упоминал о том, что, ощущая красоту и гармонию сущего, мы должны чем-то Творцу ответить! И не только свечками и поклонами – наше раболепие Ему не нужно, как не нужны родителям поклоны от своих детей. Он хотел иного: нашим ощущением гармонии мира изменить духовную природу человека, его суть, – как же я раньше этого не понял? Чтобы мы стали чище, добрее, сострадательнее друг к другу; научились воспринимать чужие радость и боль, как свои собственные!.. Не то ли имел в виду Достоевский, сказав, что красота спасёт мир? Красота во всех своих проявлениях – природы, искусства, человеческой души... Но случилось иное: ощутив наслаждение (пусть и не греховное!), человек не только захотел стать единственным обладателем его источника, но и возжелал удовольствий ещё более утончённых! Это как если бы кто-то угостил тебя кусочком торта; а ты, вместо того, чтобы почувствовать в душе умиление и благодарность и поделиться с ним чем-то своим, –

сказал бы ему: “Здорово, тащи сюда весь торт!..” Вот и я учил людей лишь пользоваться плодами крестной смерти Спасителя, не разъясня им, для чего Он нам эти плоды оставил. Иными словами я, священник Михаил, по своему чину обязанный хоть в малой мере понимать замысел Творца и противостоять лукавому, – напротив, клюнул на его приманку и увлёк за собою остальных»...

Он снова взглянул на распятие.

«Господи, как же я прозевал в жизни самое главное? Её сердцевину!»

Опустился на колени.

«Да-да, две тысячи лет назад Ты стоял перед тем же выбором, перед каким оказался сейчас я.

Оставить этих больных и похотливых злодеев на произвол судьбы, чтобы они в конце концов превратились в стадо скотов и перегрызли друг другу глотки; или... нести им земной и Небесный хлеб, дающие жизнь... Ты обливался кровавым потом, когда просил Отца: “Да минует Меня Чаша сия...” Ибо Ты знал – и знал наверняка! – что стоит Тебе в эту тёмную рощу войти и начать им проповедовать, как они Тебя тут же растерзают! А дары Твои поделят меж собой и сожрут!.. И всё же Ты свой выбор сделал! Боже Иисусе, – он заплакал, – Ты сделал его, потому что не мог поступить иначе! Ибо не просто не желал этим бедолагам страдания и смерти; главное – Ты не мог вынести их неведения, незнания счастья, неизмеримо более высокого, чем поглощение запечённых кур!.. И даже когда Тебя истязали, Ты терпел ради них жесточайшие муки! Чего стоят одни только металлические крючья, раздирающие Твою плоть!..»

Отец Михаил зажмурился.

«А я... даже не мук испугался. Какие там муки? Хлоп из ружья, и всё... Я не пошёл за Тобой, боясь потерять именно земной рай. И оказался в числе тех, кто Тебя бичевал! Даже не подозревая этого...»

Он взглянул в окно и сквозь наступивший вечерний сумрак увидел тёмный силуэт сосновой рощи, откуда только что вышел.

«А что если дело не в жалости рыжего и они отпустили меня с надеждой на то, что я их не обману? А я в ответ не просто не вернусь, но и натравлю на них милицию. В результате чего окончательно добью их больные души. Ибо если они потеряют веру в слово священника – быть может, последний огонёк их угасающих душ, – то мир для них станет ещё большим средоточием злобы, вранья и разгула страстей. И что-либо изменить после этого в их сердцах станет практически невозможным. Я просто пошлю их в ад. То есть сотворю дело, прямо противоположное цели Христа!.. Как же так случилось, что я понял это только сейчас?..»

Отец Михаил вытер ладонью слёзы с лица. С минуту стоял на коленях, уставившись в пол...

«Да, я сознаю, – он покачал головой, – что для меня там всё может кончиться плачевно: свидетели им не нужны... И всё же, пока не грянет возможный выстрел, я успею сказать им о Любви – о подлинной, сострадательной, жертвенной Любви, ради которой к нам, убийцам и блудникам, приходил Спаситель. О том, что кроме этой милосердной Любви, дающей высшее счастье, человеку жить на Земле незачем...»

Он поднялся с колен, открыл кладовку, достал оттуда довольно большую сумку, в которой носил с собой облачение, и положил в неё запечённую курицу. Затем взял из хлебницы батон, из холодильника – несколько сарделек, яиц и две пачки творожной массы. Открыл аптечку

и вынул оттуда упаковку аспирина, моток бинта и пузырёк йода. Всё это аккуратно сложил в сумку и вышел в прихожую. Надел куртку, ботинки. Снял с вешалки свой старый потрёпанный бушлат, в котором обычно копался в огороде.

«Подойдёт ли им по размеру? – прикинул он. – Впрочем, выбора нет».

Накинул его себе на плечо и открыл входную дверь.

– Папа, ты уходишь?

Отец Михаил резко обернулся.

«Господи, укрепи меня...»

– Мне надо, Павлик... Иди, спи.

– А когда ты вернёшься? Ты ведь обещал утром сводить меня в рощу, показать дятла...

Отец Михаил опустил голову.

«Вот и его душу я губил всю жизнь...»

– Знаешь, сынок... – он замялся, – мы обязательно сходим с тобой в лес. И дятла увидим, и синиц послушаем... Только пойдём мы туда не с пустыми руками. А наберём целый рюкзак пшена и хлеба... А к следующей весне соорудим несколько скворечников, чтобы пернатым было где растить своих птенчиков... Хорошо?

И он посмотрел Павлику в глаза. Тот стоял в глубоком раздумье.

Отец Михаил немного помедлил... затем взял сумку, вышел из квартиры и захлопнул за собой дверь...